

Харлан Эллисон

# Время глаза [Время ока]



# Харлан Эллисон

## Время глаза [Время ока]

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=156709](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156709)*

### **Аннотация**

Он повстречал её на третьем году смерти. Встретились они в сумасшедшем доме. Она была там с того времени, как ослепла, а он был один из тех «стариков» с молодыми лицами, которых пережевал и выплюнул Вьетнам. Ему сказали, что он болен, что его надо лечить, но он знал, что уже давно умер. И вот, он встретил её, и казалось, почувствовал опять вкус к жизни. Но пришло Время Глаза...

# Харлан Эллисон

## Время глаза [Время ока]

На третий год свой смерти я встретил Пиретту. Встретил совсем случайно. Просто она занимала палату на втором этаже, а мне были разрешены прогулки по первому этажу и садам для принятия солнечных ванн. Первое время казалось странным, что мы вообще встретились. Ведь она оказалась в Доме после того, как в 1958 году ослепла. Я же был одним из тех стариков с молодыми лицами, что пережили Вьетнам.

Честно говоря, этот Дом, несмотря на высокую ограду из гладкого камня и навязчивую опеку миссис Гонди, все же не был мне так противен. Я твердо знал, что когда-нибудь объявшаая меня мгла рассеется – и у меня снова появится потребность с кем-то поговорить. А тогда я смогу наконец этот Дом покинуть.

Только все это в будущем.

Не то чтобы я с надеждой предвкушал этот день, но и не искал для себя прибежища в размеренной жизни Дома. Я как бы висел в забытии – меж интересом к этой жизни и намерением ее оставить.

Я был болен. Вернее, мне сказали, что я болен. Только что бы мне там ни говорили, я был мертв. И не видел никакого смысла хоть чем-то интересоваться.

Совсем иное дело – Пиретта.

Нежное личико, словно выточенное из нефрита. Голубые глаза – будто тихая гладь мелкого озера. Ее тонкие руки всегда находили себе какое-нибудь пустяковое занятие.

Повстречались мы, как я уже сказал, совершенно случайно. В то самое время, которое она потом назвала «временем ока», Пиретта стала какой-то беспокойной – и ей удалось удрать от своей мисс Хейзлет.

А я, свесив голову на грудь и заложив руки за спину, как раз прогуливался в нижнем коридоре, когда Пиретта стала спускаться по массивной спиральной лестнице.

У этой лестницы я частенько останавливался и наблюдал за пустолицыми женщинами, что оттирали ступеньку за ступенькой. И всякий раз возникало странное чувство, будто они спускаются в ад. Начинали они сверху и отмывали все до самого низа. У всех одинаковые седоватые волосы вроде пакли или слежавшегося сена. Работали они с методичной обреченностью. Это явно было их последнее занятие перед могилой, и они яростно цеплялись за него, всюю орудуя тряпками, мылом и водой. А я стоял и смотрел, как они шаг за шагом спускаются в ад.

Но на сей раз там не было коленопреклоненных рабынь.

Я слышал, как Пиретта движется вплотную к стене: нежные кончики ее пальцев касались деревянной обшивки, – и сразу понял, что она слепа.

Причем не просто страдает недостатком зрения. Нет, со-

всем слепа.

Во всей ее внешности было нечто неуловимое – и оно мгновенно проникло в мое мертвое сердце. Я смотрел, как она спускается с величавой медлительностью – будто под неслышную музыку, – и все мое существо неудержимо повлекло к ней.

– Простите, быть может, вам помочь? – услышал я свое вежливое предложение. Пиретта резко остановилась и подняла голову с чуткостью полевой мыши.

– Нет, благодарю, – столь же вежливо отозвалась она. – Большое спасибо, но я и сама вполне могу о себе позаботиться. А вот до той особы... – она кивнула в сторону верхней площадки – ...это, похоже, никак не дойдет.

Одолев оставшиеся ступеньки, Пиретта ступила на бордовый безворсый ковер. Потом остановилась и резко выдохнула – будто только что завершила кругосветное путешествие.

– Меня зовут... – начал было я, но она, слегка фыркнув, тут же перебила:

– Зовут, как и звали. – Девушка мило захихикала. – Ну что в самом деле могут значить какие-то имена? – В ее голосе звучала такая убежденность, что я просто не мог не согласиться.

Потому и сказал:

– Да, похоже, что так.

Пиретта негромко засмеялась и пригладила свои спутавшиеся со сна рыжеватые волосы.

– Не похоже, – заключила она, – а так и есть.

Все ее слова казались мне очень странными. По многим причинам. Во-первых – какая-то путаная непоследовательность. Хотя тогда это в глаза не бросалось. А во-вторых, она была первой, с кем я заговорил с тех пор, как два года и три месяца тому назад меня поместили в этот Дом.

И все же я почувствовал привязанность к этой девушке и попытался развить наше поверхностное знакомство.

– А все-таки, – отважился я возразить. – Надо же как-то отличать одного человека от других. – Я еще осмелел и выпалил нечто совсем отчаянное: – Особенно если человек этот кому-то нравится...

Бесконечно долгое мгновение Пиретта обдумывала сказанное, одной рукой по-прежнему опираясь о стену, а другую поднеся к своему бледному горлу.

– Если вы так настаиваете, – подумав, ответила она, – можете звать меня Пиретта.

– Это ваше настоящее имя?

– Нет, – честно ответила она, и я понял, что мы подружимся.

– Тогда вы зовите меня Сидней Картон. – Я выпустил на волю давнее заветное желание.

– Недурное имя, если такие вообще бывают, – признала девушка, и я кивнул. Потом, поняв, что кивка ей не услышать, пробормотал что-то лаконично-одобрительное.

– Хотите, я покажу вам сад? – прозвучало затем мое ры-

царское предложение.

– Было бы мило с вашей стороны, – иронически отозвалась Пиретта, – как видите, я совершенно слепа.

Превращая свою неловкость в игру, я подхватил:

– Правда? А я даже и не заметил.

Тогда Пиретта взяла меня под руку, и мы вместе прошли к стеклянным дверям, что вели в сад. Но тут по лестнице слышались торопливые шаги – и девушка судорожно ухватилась за мою руку.

– Это мисс Хейзлет! – выпалила Пиретта. – Скорее! Пожалуйста, скорее!

Я сразу понял, в чем дело. По лестнице спускалась ее сиделка. И тут же до меня дошло, что Пиретте не разрешают выходить, что теперь ее разыскивают. Но я никак не мог допустить, чтобы ее вернули в палату прямо сейчас. Сейчас, когда я только-только ее нашел.

– Положитесь на меня, – прошептал я девушке, уводя ее в боковой коридор.

Отыскав кладовку уборочного инвентаря, я провел Пиретту в темное, прохладное убежище. Потом аккуратно приотворил дверь и на всякий случай подпер ее спиной. Я стоял совсем рядом с девушкой, прислушиваясь к ее частому, неглубокому дыханию. Все это напомнило мне Вьетнам – те несколько часов перед рассветом, когда мы с трепетным страхом ожидали, что принесет нам утро. Сам не сознавая, что делаю, я обнял Пиретту – и тут же почувствовал, как

ее руки тоже обвили мое тело. Так мы и стояли обнявшись. Впервые за два с половиной года во мне стали пробуждаться какие-то чувства. Ох, и глупо же было мне тогда мечтать о любви! Я стоял рядом с Пиреттой, дрейфуя в океане противоречивых чувств, – и ждал, пока ее мисс Хейзлет смоеется наконец из коридора.

Время пролетело слишком быстро – и вскоре мы услышали те же размеренные шаги, что удалялись вверх по лестнице. В шагах так и слышались беспокойство, раздражение и досада.

– Все, ушла. Теперь мы сможем посмотреть сад, – сказал я и тут же ощутил острое желание откусить себе язык. Ведь Пиретта ничего не могла «посмотреть»! Впрочем, исправлять оплошность я не стал, подумав: «Пусть ей кажется, что я не обращаю внимания на ее недостаток. Так даже лучше».

Осторожно приоткрыв дверь, я выглянул наружу. Никого – если не считать старика Бауэра, что шаркал по коридору в сторону от нас. Я выпустил Пиретту из объятий – и она как ни в чем не бывало снова взяла меня под руку.

– Как мило с твоей стороны, – поблагодарила девушка и слегка сжала мой локоть.

Мы вернулись к стеклянным дверям и вышли в сад.

Завораживающая терпкость осеннего воздуха. Умиротворяющее шуршание листвы под ногами. Было не слишком зябко, но Пиретта немного прижималась ко мне, скорее всего, ненамеренно, просто с нежной забывчивостью. И уж точ-



но – не из-за своей слепоты. Уверен – при случае она прекрасно смогла бы ходить по саду и без посторонней помощи.

Мы прошли по извилистой тропке – и в считанные секунды скрылись из вида среди аккуратно подстриженной живой изгороди. Для этого времени дня казалось странным, что никто из служителей Дома не прохаживается по дорожкам, что ни один из других «постояльцев» не улаживает своих пустых глаз созерцанием травы или уединенных тропок.

Искося я взглянул на лицо Пиретты и был очарован его точеными чертами. Подбородок чуть островат и выдвинут вперед, – но все возмещают высокие скулы и длинные ресницы, что придают всему лицу чуть азиатский оттенок. Губы – полные, а нос – классической формы, но ничуть не длинный.

И тут у меня появилось поразительно навязчивое чувство, что где-то я ее уже видел.

Никак это чувство меня не оставляло.

Я припомнил другую девушку... тогда, еще до Вьетнама... до визга металла, что падал с ночного неба... кто-то у моей кровати в университетском общежитии. Надо же!

Все это было совсем в другой жизни. До того, как я умер. До того, как попал в этот Дом.

– А как небо? Пасмурное? – поинтересовалась Пиретта, пока я вел ее к скамейке среди кубиков живой изгороди.

– Да нет, не особенно, – ответил я. – Кучка облаков на северо-западе, но они, по-моему, не дождевые. Думаю, день будет чудный.

– Это ничего не значит, – безразлично проговорила девушка. – Погода вообще ничего не значит. Знаешь, как давно я видела солнечный свет? Как он пробивается сквозь деревья? – Пиретта глубоко вздохнула и запрокинула голову на скамейку. – Нет, погода ровным счетом ничего не значит. По крайней мере, в такое Время.

Я не понял, что она этим хочет сказать. Впрочем, особенно и не задумывался.

Для меня начиналась новая жизнь. Удивительно было чувствовать, как эта жизнь наполняет все мое существо. Удивительно вдруг обнаружить, что я начал задумываться о будущем. На целые минуты вперед. Кто этого не испытал, вряд ли поймет, что это значит – сначала напрочь забыть о будущем, а потом вдруг найти что-то стоящее и снова начать жить.

Речь даже не просто о надежде – о чем-то плоском и однозначном. Быть мертвым и вдруг воскреснуть – вот о чем я говорю. Так все и получилось буквально через считанные минуты после того, как я встретил Пиретту. Последние два года и три месяца каждое следующее мгновение ровным счетом ничего для меня не значило – а теперь я вдруг стал задумываться о будущем. Поначалу заглядывал не так уж далеко – ведь эта способность во мне почти атрофировалась. Но с каждой минутой я все больше ждал и надеялся. Жизнь возвращалась, чтобы я мог продолжить свои странствия в этом мире.

Я задумывался о будущем – а разве это не был первый шаг к обретению моей потерянной жизни?

– А ты почему здесь? – спросила девушка и коснулась холодными пальчиками моего обнаженного предплечья.

Я положил ладонь ей на запястье, но Пиретта вздрогнула, и я в смущении отдернул руку. Тогда она пошарила вокруг себя, нашла мою руку и положила ее поверх своей.

– Я был на войне, – стал объяснять я. – Меня ранило из миномета... а потом я оказался здесь. Я... я не хотел... или не мог... не знаю... я долго не хотел ни с кем разговаривать. Но теперь все в порядке, – резко закончил я, вдруг оказавшись в ладу с самим собой.

– Да, – твердо сказала Пиретта, будто этим все и решала. – Теперь скажи. Ты тоже чувствуешь Время Ока – или ты из тех? – В ее голосе прозвучали жесткие нотки. Я просто не знал, что ответить.

– Из кого – из тех?

Слегка скривив свои полные губы, девушка медленно проговорила:

– Я о тех бабах, что подносят мне лохань. О тех подлых, грязных прислужницах!

– Если ты о зрителях и сиделках, – уловил я, кажется, ее мысль, – то я не из них. И надоели они мне, наверное, не меньше, чем тебе. Разве мы вместе от них не спрятались?

– Найди мне, пожалуйста, какую-нибудь палку, – попросила Пиретта.

Я огляделся – и, за неимением лучшего, выломал ветку живой изгороди.

– Подойдет? – Я протянул ветку Пиретте.

– Спасибо, – поблагодарила она и принялась оголять ветку, обрывая с нее листья и прутики.

Я смотрел, как порхают ее проворные пальчики, и думал: «Как ужасно, что такая прелестная и разумная девушка оказалась здесь – среди больных и сумасшедших».

– А тебе, наверное, интересно, как оказалась здесь я? Правда? – спросила девушка, обдирая с ветки тонкую зеленую кору. Я промолчал. Откровенно говоря, этого мне и знать не хотелось. Ведь я нашел для себя кого-то и жизнь моя началась заново. Зачем же мне сразу было лишать себя этой жизни?

– Что ты! Я даже не думал!

– А я все равно тебе скажу. Так вот. Кое-кто знает, что я их раскусила. Поэтому я здесь.

В словах этих прозвучали знакомые нотки. На втором году моего пребывания в Доме одну из палат на первом этаже занимал некто по фамилии Хербман. Он не переставая твердил о какой-то страшной банде, что тайно пытается его убить. Уверял, что они пойдут на все, только бы добраться до него и заткнуть ему глотку, пока он не выдал все их грязные махинации.

Мне хотелось надеяться, что с Пиреттой не случилось того же. Нет, нет. Ведь она так прелестна!

– Кое-кто?

– Ну да. Конечно. Слушай, ты же сказал, что ты не из тех! Ты что, просто врешь – или дурачишь меня, пытаешься сбить с толку? – Девушка выдернула руку.

Я поспешил восстановить доверие.

– Нет, нет. Конечно же, нет. Только я ничего не понимаю. Просто не понимаю. Я так долго... так долго был здесь. – Оправдываясь, я отчаянно старался не впадать в жалобный тон.

Похоже, это ее убедило.

– Прости меня. Ты должен меня простить. Просто я порой забываю, что не всем, подобно мне, ведомо про Время Ока.

Очистив кончик палки от коры, Пиретта стала делать там заострение.

– Про Время Ока? – переспросил я. Она уже несколько раз о нем упоминала. – Не понимаю.

Пиретта повернулась ко мне. Ее мертвые голубые глаза уставились куда-то поверх моего правого плеча, колени она плотно сжала. Палка валялась рядом на скамейке, будто забытая игрушка. Но время игрушек давно прошло.

– Ладно, я расскажу, – промолвила Пиретта.

Потом девушка ненадолго застыла. Я ждал. Наконец она спросила:

– Попадалась тебе когда-нибудь женщина с багряными волосами?

Я был потрясен. Я ожидал услышать от Пиретты какой-то

рассказ, рассчитывал больше узнать о ее прошлом – и тогда еще сильнее ее полюбить... а вместо этого она задала мне совершенно бессмысленный вопрос.

– Но почему... хотя нет... по-моему, нет...

– Вспоминай! – приказала она.

Я стал вспоминать – и, как ни странно, женщина с багряными волосами действительно всплыла в моей памяти. Незадолго до моего призыва сенсацией всех модных журналов стала манекенщица по имени... Черт возьми! Неужели? Ну конечно! Я присмотрелся – и меня словно током ударило. Да, ее звали Пиретта! Модная манекенщица с изящными чертами лица, лучистыми голубыми глазами и экстравагантной багряной прической. Пиретта сделалась такой знаменитостью, что ее очарование так и выплескивалось со страниц и обложек буквально всех модных журналов. Имя ее было у всех на устах.

– Я тебя вспомнил, – вымолвил я, не найдя других слов, чтобы выразить свое изумление.

– Нет! – отрезала она. – Нет. Меня ты не помнишь. Ты помнишь женщину по имени Пиретта. Красивую женщину, что неистово любила жизнь и набрасывалась на нее так, будто это ее последний любовник. Ты помнишь совсем другую. А я – лишь несчастное слепое создание. Меня ты не помнишь. Верно?

– Да, конечно, – согласился я. – Конечно. Прости, но на какую-то секунду мне показалось...

А она, даже не обращая на меня внимания, продолжала:

– Ту женщину по имени Пиретта знали все. Ни одно модное салонное сборище не было достаточно модным без нее. Любая самая шикарная вечеринка теряла смысл в ее отсутствие. Но Пиретта была не из тех женщин, что подобны мимозам. Она обожала новые ощущения. Пиретту считали нигилисткой – и даже больше того. Она была способна абсолютно на все. Покорив с группой Построффа пик К-99, она в компании двух мужчин обогнула мыс Доброй Надежды на катамаране. Потом изучала культ богини Кали в Индии – и, хоть она и считалась неверной, знаменитое общество душистелей все-таки сделало Пиретту одной из своих служительниц.

Такая жизнь могла вымотать кого угодно. И в конце концов Пиретта стала ею тяготиться. Ей опротивело все: и выходы на подиум, и появление на экранах, и мужчины. Богатые мужчины, обаятельные мужчины, талантливые мужчины – все, кого влек и в то же время держал на дистанции ослепительный блеск ее красоты. Пиретта искала новых впечатлений – и в конце концов их нашла.

Меня удивляло, зачем она мне все это рассказывает. К тому времени я уже твердо решил, что та жизнь, которую я страстно желал вернуть, здесь – в ней. Я начал жить заново – и это случилось так быстро, так внезапно, что причиной тому могла быть только она. Ее присутствие.

В конце концов, какие бы совершенства ни отличали Пи-

ретту как знаменитую на весь мир манекенщицу, она и сейчас, несмотря на некоторую изможденность, оставалась прелестной слепой женщиной – причем совершенно без возраста. Хоть белый больничный халат и скрывал линии ее фигуры, он не мог скрыть ее притягательного обаяния, и я... я снова жил!

Я влюбился!

А рассказ все продолжался:

– После приключений в компании профессиональных горнолыжников и в колонии художников на Огненной Земле Пиретта вернулась в город – и принялась искать новых и все более необычных переживаний.

В конце концов она нашла Людей Ока. Люди эти составляли крайне экзотическую религиозную секту. Пиретте показалось, что именно этого она с самого рождения и искала. Она не раздумывая примкнула к ним, поклоняясь в рассветные часы их многоокому идолу и живя на полную катушку.

Пути Людей Ока были темны, а дела не всегда чисты.

И все же она их не покидала.

Тогда однажды ночью, когда началось то, что они называли Время Ока, была востребована жертва, и выбор пал на Пиретту.

У нее вынули глаза.

Я застыл как вкопанный. Даже засомневался, что правильно все расслышал. Таинственная религиозная секта – чуть ли не сатанисты – в самом центре Нью-Йорка? И они на



своём сборище вынули глаза у самой знаменитой манекенщицы всех времен и народов? В это невозможно было поверить! К своему удивлению, я вдруг понял, что меня вновь переполнили давно, казалось бы, забытые чувства. Я снова испытывал страх, недоверие, тоску... Эта девушка, назвавшаяся Пиреттой, – на самом деле и была та Пиретта. И она вернула меня к жизни.

Но лишь затем, чтобы попотчевать рассказнями столь нелепыми, что мне только и оставалось либо отнести это к разряду фантазий, либо к последствиям мании преследования.

В конце концов, разве не было у нее этих неглубоких голубых глаз?

Да, пусть они не видели! Но ведь они были! Почему же Пиретта сказала, что их у нее вынули? Я уже совсем ничего не понимал.

Тогда неожиданно для себя самого я повернулся и обнял девушку. Сам не знаю, что мной тогда двигало. Раньше-то я был страшно застенчив с женщинами – даже до войны. Но теперь сердце выскакивало у меня из груди – и я поцеловал Пиретту в самые губы.

Губы ее раскрылись словно два лепестка, и меня вновь охватил любовный жар. Моя рука нашла ее грудь.

Несколько минут мы обнимались в неистовом приступе страсти, пока оба не почувствовали, что этот момент прожит нами до конца. Тогда мы разжали объятия – и я принялся

болтать о выздоровлении, о свадьбе, о том, как мы поедem в деревню, где я стану ухаживать за Пиреттой.

Потом я нежно провел по лицу девушки, осязая всю ее красоту, кончиками пальцев впитывая в себя все ее очарование. И вдруг мизинцем нечаянно коснулся ее глаза.

Глаз оказался сухим.

Я окаменел, а уголки чудного рта Пиретты приподнялись в еле заметной улыбке.

– Да, вот так-то, – проговорила она и уронила оба глаза на ладонь.

Рука моя невольно поползла ко рту – так меня затошнило. И изо рта вырвался лишь тонкий писк – будто какого-то зверька раздавил тяжелый сапог.

Потом я снова заметил в руке у Пиретты заостренную ветку – устремленную вверх, будто огромный гвоздь.

– Что, что это? – забормотал я, отчего-то охваченный внезапным ознобом.

– Ты так и не поинтересовался, приняла ли Пиретта религию Людей Ока, – сочувственно заметила девушка, будто я был ребенком-несмышленишем.

– Ты о чем? – только и сумел вымолвить я.

– Да ведь теперь Время Ока! Как же ты не понял?

И Пиретта бросилась на меня, крепко сжимая палку.

Я откинулся назад, но она обвилась вокруг меня, мы вместе упали на землю – и ее слепота уже роли не играла.

– Не надо! – пронзительно выкрикнул я, увидев занесен-

ную палку. – Я люблю тебя! Хочу, чтобы ты стала моей! Хочу на тебе жениться!

– Какая чушь, – тихо прошипела она. – Я не могу за тебя выйти. Ты душевнобольной.

Потом палка дважды опустилась – и с тех пор Время Ока слепо отсчитывается во мне.